НАШИ ЛИБЕРАЛЫ

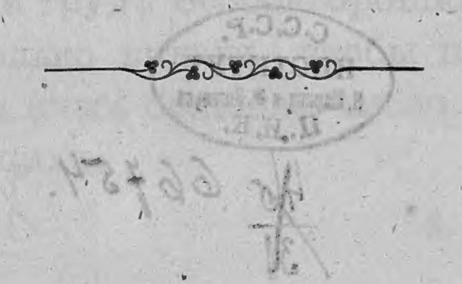

D-n

Naši liberaly

НАШИ ЛИБЕРАЛЫ

П. Д—НА.

ВИЛЬНА.
Въ печатнѣ М. Р. Ромма, на Дворцовой улицѣ противу канцеляріи Генералъ-Губернатора.
1867.

Дозволено цензурою. 30 января 1867 г. Вильна.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Статья г. П. Д., подъ названіемъ „Наши либералы“, напечатанная въ 3мъ выпускѣ „Домашней Бесѣды“ текущаго года, показалась намъ весьма серіознаго и отрезвляющаго свойства. Съ разрѣшенія автора статьи и редактора принявшаго ее на страницы своего журнала, мы рѣшились издать названный трудъ особою брошюрой, въ тѣхъ только видахъ, чтобы познакомить съ нимъ большее число здраво мыслящихъ.

А. М.

Январь 1867 г.

НАШИ ЛИБЕРАЛЫ.

Развитіе и процвѣтаніе въ мірѣ органической природы столько же зависитъ отъ устраненія вредныхъ вліяній, сколько и отъ соединенія условій, благопріятствующихъ этому развитію. Въ мірѣ неорганическомъ, существованіе движущагося тѣла требуетъ, чтобы плотность сцѣпленія соотвѣтствовала силѣ движенія и противодѣйствія; въ области дѣла рукъ человѣческихъ, успѣхъ предпріятія обусловливается разумнымъ сочетаніемъ охраны существующаго, какъ точки отправленія, съ производительною дѣятельностію. Благо человѣческихъ обществъ, сходно съ общими законами бытія и развитія, требуетъ сугубыхъ усилій, изъ коихъ однѣ должны быть направлены къ охраненію и поддержанію существующаго, другія къ улучшенію и отысканію новыхъ источниковъ благосостоянія. Въ государствѣ, какъ во многосложномъ органическомъ и долговѣчномъ обществѣ, особенно большое должно имѣть значеніе соотвѣтственное отношеніе двухъ политическихъ началъ,— охранительнаго и поступательнаго, или либеральнаго. Какъ въ частной дѣятельности человѣка, такъ въ жизни всякаго общества вообще, пред-

пріимчивость должна совмѣщаться съ осторожностію; порывъ и увлеченіе страсти должны быть направляемы разумомъ и опытностію; въ стремленіяхъ къ лучшему будущему не слѣдуетъ забывать, что оно не является само изъ себя, но должно истекать естественнымъ образомъ и въ естественной постепенности изъ прошедшаго; и чѣмъ возвышеннѣе зданіе, тѣмъ съ большею осмотрительностію должна прикасаться рука зодчаго къ его основамъ.

Просвѣщенное единомысліе, сознающее въ должной степени необходимость охраны существующаго съ его усовершенствованіемъ, есть вѣрный залогъ развитія и процвѣтанія народнаго и государственнаго.

Полное равновѣсіе между тѣмъ и другимъ началомъ, какъ извѣстно, немыслимо; увлеченіе того и другаго направленія неизбѣжны; сильныя увлеченія, при недостаткѣ противовѣса, вообще вредны, опасны, и крайности обыкновенно сходятся. Крайній консерватизмъ, удерживая жизненныя силы въ застоѣ, доводитъ ихъ до тогоже самаго разложенія, къ которому приводитъ и либеральное начало, въ высшемъ своемъ развитіи переходящее въ разрушительное. Ветшаетъ ли зданіе отъ недостатка обновленія, сходно съ требованіями прочнаго существованія,— или строится таковое наскоро, безъ соблюденія извѣстныхъ пра-

вилъ зодчества и практическаго знанія дѣла, безъ примѣненія къ данной потребности соотвѣтствующихъ матеріаловъ, или наконецъ строителями, интересъ которыхъ заключается единственно въ скорой постройкѣ, въ результатѣ будетъ одно и тоже,—разрушеніе. Возьмемъ иную параллель. Крайній консерваторъ страстно привязанъ къ своей природной обстановкѣ, ко всему совмѣстно существующему, ко всему, что, войдя въ его міросозерцаніе, съ дѣтства ласкало его воображеніе; въ немъ преобладаютъ дѣтскія свойства, въ особенности чувство любви хотя и не всегда разумной; онъ вѣренъ своимъ привязанностямъ; охотно зарываетъ свои сокровища въ землю, опасаясь пустить ихъ въ ходъ; трепеща за ихъ утраты и защищая ихъ, онъ готовъ жертвовать собою. Консерваторъ, вообще говоря, столько же и патріотъ, сколько и не врагъ, по крайней мѣрѣ, своей религіи. Либералъ напротивъ: переходя за извѣстную черту практическаго смысла, онъ подобно аэролиту, отрѣшается отъ своего прошедшаго, отъ своей природной почвы; вдается въ безграничный просторъ неопредѣленности, сомнѣній, запутанности понятій: безпредѣльность мысленнаго пространства поглощаетъ его; не находя на чемъ успокоиться, онъ впадаетъ въ глубокое изолированіе духа и сосредочивается самъ въ себѣ: отсюда равнодушіе къ невозвратному, равнодушіе къ ду-

ховной и внѣшней жизни своего народа, если народъ этотъ не близокъ къ его идеалу; потребность пристать къ тому берегу, гдѣ услужливое марево осуществляетъ предъ его глазами новую мечтательную жизнь, мечтательную страну. Космополитизмъ и индеферентизмъ, представители сердечной сухости,—прямыя порожденія либерализма; въ дальнѣйшемъ же своемъ развитіи то и другое переходитъ въ отступничество и полную измѣну своему прошедшему.

Сильныя увлеченія въ томъ и другомъ направленіи, какъ сказано выше, вредны и опасны. Мы думаемъ, однако же, что самый строгій консерватизмъ имѣетъ свою безукоризненную сторону, потому что, какъ въ вещественномъ, такъ и въ нравственномъ мірѣ есть предметы,—дары ли то Провидѣнія или пріобрѣтенія человѣчества,—охраненіе которыхъ должно быть священною обязанностію всѣхъ и каждаго. Исказить истину, утратить невознаградимое—часто очень легко; по этому-то безразлично грубое и своевольное обращеніе къ предметамъ, имѣющимъ высокое значеніе въ человѣческой жизни, не должно быть допускаемо, вопреки настойчивымъ требованіямъ ярыхъ, самонадѣянныхъ, и зачастую недобросовѣстныхъ прогрессистовъ.

Если воззрѣнія читателя сошлись съ нашими, хотя въ главныхъ чертахъ, то, безъ сомнѣнія,

онъ раздѣлитъ и сѣтованія, что въ наше время и въ нашей странѣ, въ рядахъ образованнаго и вліятельнаго общества, на каждомъ шагу встрѣчаются политическія мнѣнія, поражающія своимъ легкомысліемъ и незрѣлостію, чтобъ не сказать болѣе. Наша современность, безспорно, воодушевлена прекраснымъ порывомъ къ дѣятельности, глубокимъ отвращеніемъ къ неподвижности или застою; но, къ сожалѣнію, движеніе это выражается преимущественно высокомѣрнымъ отношеніемъ къ прошедшему, недовольствомъ настоящимъ и лишенными твердой основы мечтами о счастливомъ будущемъ. Самая дѣятельность ограничивается какимъ-то лихорадочнымъ броженіемъ мысли, обильнымъ словоизліяніемъ, попытками безъ серьознаго труда совершить великое и удаленіемъ отъ всякаго стѣсненія или принужденія воли. Самый трудъ мысли, въ нашъ вѣкъ изнѣженности, вещественнаго и умственнаго комфорта, сдѣлался для многихъ вовсе не обязательнымъ. Болѣе нежели равнодушное отношеніе къ благамъ, наслѣдованнымъ отъ предковъ, въ убѣжденіи возсозданія новыхъ и лучшихъ посредствомъ легковѣснаго знанія и легкомысленнаго подражанія иноземному, у насъ самое обыкновенное явленіе. Масса людей не забывшихъ азіатскую лѣнь, но сознавшая ея несостоятельность, бросилась беззавѣтно въ объятія уродливаго прогресса; она ста-

ла подражать формамъ, не входя въ ихъ содержаніе; исключительный либерализмъ сталъ путеводною звѣздою, руководителемъ дѣятельности и убѣжденій; холодность къ своему очагу двинула цѣлыя толпы искать счастія на чужбинѣ, на вѣсъ золота пріобрѣтать безплодную наглядность и возвращаться восвояси съ пустыми карманами и воображеніемъ, наполненнымъ мечтами. Либерализмъ овладѣлъ умами большинства.... Въ то время, какъ правильное отношеніе между двумя основными политическими началами нарушено, или готово нарушиться едва ли не во всемъ цивилизованномъ мірѣ, подъ вліяніемъ почти общаго эгоистично-страстнаго, необузданнаго, либеральнаго увлеченія,— опьяняющій разгулъ страстей, не сдерживаемыхъ ни религіею, ни истекающею изъ нея нравственностію, прелесть новизны, оглушительныя самовосхваленія и обязательныя кажденія своимъ кумирамъ, окружали и нашихъ либеральныхъ подражателей такою густою атмосферою обольщенія, что самые яркіе лучи истины стали для нихъ недоступными. Ученые вожаки либеральнаго стада, распоряжаясь жезломъ моды, пріучили уже его къ безотчетной покорности своимъ велѣніямъ. Голосъ лести, потворство себялюбивымъ страстямъ и всевозможныя поощренія своимъ сторонникамъ, н въ тоже время насмѣшки, тайныя и явныя стѣсненія и преграды противникамъ,—извѣстныя ору-

дія либерализма; но самое, по нашему мнѣнію, могучее изъ нихъ, — злоупотребленіе словами. Изъ числа таковыхъ мы изберемъ, на этотъ разъ, *свободу печати* и прославленную *равноправность.* Разсмотримъ, какъ проводятся онѣ изъ теоріи въ жизнь, и приведемъ нѣсколько случаевъ примѣненія ихъ къ дѣлу. Считаемъ нужнымъ оговориться: мы не сторонники неограниченной свободы слова или свободной печати.

Прочное существованіе общества зависитъ столько же отъ общности или согласія интересовъ, сколько и отъ вѣрности общепринятымъ правиламъ и основнымъ началамъ, которыя каждый изъ членовъ даннаго общества обязанъ уважать и имъ подчиняться. Чѣмъ болѣе всеобщаго довѣрія къ этимъ руководящимъ правиламъ, тѣмъ больше связи между личностями, составляющими общество, тѣмъ сильнѣе взаимное сочувствіе, крѣпче организмъ его. Законъ, основанный на общеусвоенныхъ началахъ, охотнѣе исполняется, и нарушенія его бываютъ рѣже. Если же основныя нравственныя правила, освященныя благоговѣйною вѣрою въ ихъ непреложность и благодарнымъ чувствомъ многихъ поколѣній, могутъ подвергаться произвольному, гласному порицанію, злословію и клеветѣ, потому только, что они идутъ въ разрѣзъ съ себялюбивыми стремленіями деморализованнаго, хотя бы то было и вліятельнаго, боль-

шинства,— то гдѣ же ручательство за силу законовъ, а потому и за прочность общества?.. Если законъ допуститъ кому угодно оглашать и распространять убѣжденія, несогласныя съ духомъ и намѣреніями своими,—то можетъ ли онъ, не впадая въ противорѣчіе, привлечь къ суду и отвѣту нарушителей его въ данномъ случаѣ? Предоставить всѣмъ и каждому право проводить въ народныя массы мнѣнія, противныя усвоеннымъ народнымъ сознаніемъ правиламъ нравственности и религіи,— мнѣнія, льстящія чувственности и себялюбію вообще,—мнѣнія, очевидно стремящіяся къ ниспровержению всѣхъ основъ общественнаго зданія,—не значитъ ли смущать и колебать совѣсть, вносить разстройство во всѣ человѣческія отношенія, совращать многихъ съ добраго пути, замедлять и возвращать назадъ развитіе тѣхъ великихъ началъ, благодаря которымъ человѣчество двигалось впередъ до сего времени? Всѣ новѣйшія лжеученія политическаго и религіознаго характера суть очевидныя порожденія разнузданнаго слова. Почему бы имъ не вращаться исключительно въ сферахъ, спеціальность которыхъ заключается въ выспреннемъ умозрѣніи,— тамъ именно, гдѣ обсужденіе ихъ было бы безвредно? Основывать надежды на здравомъ смыслѣ массъ можетъ одна только крайняя недобросовѣстность. Непосредственное познаніе истины не есть удѣлъ каждаго человѣка. Если-

бы человѣкъ вообще былъ одаренъ этимъ познаніемъ, то не было бы разномыслія и препирательствъ объ истинѣ. Свобода печати или свободная торговля умственною пищею имѣетъ, кажется, величайшее сходство, не по наружности только, но въ сущности и послѣдствіяхъ своихъ, съ свободною торговлею обыкновенными снѣдями и лекарственными снадобьями. Устранивъ медицински-полицейскій надзоръ, неразлучный впрочемъ съ извѣстными неудобствами, и предоставивъ всесвѣтнымъ шарлатанамъ полную свободу дѣйствія,—въ выигрышѣ осталось бы, конечно, не населеніе, а только пресловутый принципъ свободы.

Желаніе расширить человѣческую свободу очень естественно; но, какъ всякое желаніе вообще, оно часто должно смиряться передъ невозможностію. Если въ области мысли человѣкъ подвергается разнымъ вліяніямъ, стѣсняющимъ ея полетъ; если тамъ есть свой горизонтъ, за которымъ остается недосягаемая, но вожделенная неизвѣстность; если духъ человѣческій, стремясь неудержимо къ познанію недосягаемаго, внезапно падаетъ въ изнеможеніе, чтобы безконечно повторять тѣже самыя безплодныя усилія, подобно птичкѣ, заключенной въ клѣтку и рвущейся на волю,—то въ мірѣ вещества ничто не движется абсолютно-свободно; вездѣ индивидуальное стремленіе встрѣчаетъ неизмѣнный законъ, предлага-

ющій борьбу съ многосложными препятствіями. Есть одинъ лишь видъ дѣйствительной свободы,— свобода нравственная. Человѣкъ можетъ слѣдовать призванію своего духа, проявляющему себя еще съ ранняго младенчества,—любить ближняго, любить правду, истину, прекрасное, стремиться къ безконечному, не быть къ нимъ равнодушнымъ; и можетъ пренебречь свою духовную сторону, отдаться болѣе или менѣе животнымъ инстинктамъ, или замкнуться въ бездушномъ эгоизмѣ. Но и тутъ не безъ борьбы внутренней: человѣкъ, ставъ подъ извѣстное знамя, осуществляющее для него нравственный идеалъ, обязанъ быть ему вѣренъ; иначе страдаетъ его внутреннее сознаніе или совѣсть, потому что если она не заглушена, то всякое отступленіе отъ нравственной гармоніи или красоты производитъ болѣзненное ощущеніе или возмущеніе душевнаго мира. Убѣжденія легкомысленныхъ людей, не основанныя на логикѣ, на сознаніи нравственнаго долга, могутъ склоняться на всѣ стороны; эти люди, стоящіе за свободу совѣсти, не хотятъ знать (и это вслѣдствіе нравственной свободы), что есть совѣсть безусловная, общечеловѣческая, обязывающая честнаго человѣка быть вѣрнымъ ей во всякомъ случаѣ, и вѣрнымъ своему знамени, пока онъ гласно не отрекся отъ него.

Свобода слова, основанная на такъ называемой въ наше время свободѣ совѣсти, не признающей за собою никакого нравственнаго обязательства,—самая зловредная свобода. Допустивъ такую свободу слова, по всей справедливости, нельзя не допустить и свободу дѣла; потому что слово порождаетъ дѣло; безъ слова возможно лишь дѣло одиночное. Слово не только соединяетъ усилія многихъ въ данное время, но и способно продолжать свое дѣйствіе безконечно во времени и пространствѣ; слово есть сила, созидающая общества и приводящая ихъ въ движеніе; движеніе же можетъ быть направлено къ развитію и разрушенію, къ жизни и смерти.

Столкновеніе въ печати свободныхъ мнѣній, способныхъ бросить новый свѣтъ на темныя или малоосвѣщенныя мѣста человѣческаго знанія, или расширить горизонтъ онаго, безспорно полезно: но такимъ столкновеніямъ необходимо должны быть назначены поприща; при чемъ польза общественная, точно также какъ и торжество истины, требуютъ, чтобы условія борьбы были одинаковы для обѣихъ сторонъ. Борьба партій поучительна; но борьба эта должна быть благородна. Конечно, духъ партій, переходя въ сферу практической дѣятельности, ведетъ къ захватамъ, несправедливостямъ, пристрастію; это неизбѣжно: самовоздержаніе, всеобщая умѣренность тамъ, гдѣ

дѣйствуетъ движимая страстію толпа,—дѣло невозможное. Но чѣмъ оправдать иныя увлеченія? развѣ цѣль оправдываетъ всѣ средства безразлично? Развѣ благородный антагонизмъ допускаетъ обмороченіе, застращиваніе, подкопы, тайныя махинаціи, словомъ, всѣ тѣ средства, которыми такъ недавно обезславила себя польская справа?

Съ тѣхъ поръ, какъ свобода печати допущена въ болѣе широкихъ размѣрахъ, казалось бы, что свобода эта должна быть доступна одинаково какъ либераламъ, такъ и консерваторамъ. Орудіе гласности по праву принадлежитъ всѣмъ и каждому; на самомъ же дѣлѣ оно служитъ одному лишь направленію. Если крайности одного направленія встрѣчаютъ громкій сочувственный привѣтъ и всестороннее поощреніе, а скромныя или умѣренныя напоминанія другаго о своемъ правѣ, отвергаются обществомъ едва ли не въ самомъ зародышѣ,—то гдѣ же тутъ равноправность и свобода слова, о которыхъ неустанно твердятъ не только лица, утвердившіяся на своихъ ученыхъ патентахъ—высшій слой либераловъ,—но и всѣ имѣющіе притязаніе на принадлежность или хотя какое либо отношеніе къ ученымъ сферамъ? Повременная печать всего лучше выражаетъ характеръ и состояніе внутренняго политическаго равновѣсія. Много ли у насъ періоди-

ческихъ изданій чисто консервативнаго направленія? Много ли они имѣютъ читателей, и большинство этихъ читателей не представляетъ ли собою политическое безсиліе?

У насъ, какъ и вездѣ, народъ, въ общемъ значеніи этого слова, въ политическомъ отношеніи, состоитъ изъ двухъ главныхъ отдѣловъ: вліятельнаго и пассивнаго, по численному своему значенію не могущаго не имѣть хотя слабаго воздѣйствія на вліятельную среду. Къ послѣднему отдѣлу принадлежитъ, само собою разумѣется, преимущественно низшій, большею частію неграмотный, такъ называемый, простой людъ, не смотря на предоставленную ему извѣстную долю самоуправленія. Напраснымъ трудомъ было бы отыскивать въ немъ степень преобладанія одного изъ разсматриваемыхъ нами политическихъ началъ; очевидно и всѣмъ вѣдомо, что нашъ православно-русскій народъ, составляющій сердцевину государственнаго тѣла и основаніе соціальной пирамиды, представляетъ почву воспріимчивую ко всему доброму,— организмъ не тронутый, здоровый, духовно-могучій, — консерватизмъ, не отвергающій развитіе, словомъ,— прототипъ самаго лучшаго матеріала. Извѣстны попытки ложныхъ благожелателей и тайныхъ враговъ — поколебать, разстроить, внести разложеніе въ эту плотную самородную массу, начиная

съ подкоповъ польскаго папизма на югозападѣ, до зажигательныхъ снарядовъ Герцена съ компаніей. Внѣшніе и внутренніе враги Россіи хорошо знаютъ, что внѣшніе удары ей не страшны, и что только внутренняя деморализація, какъ медленный ядъ, поглощаемый безсознательно, не можетъ не произвести соотвѣтственнаго растройства. Чтобы произошло горѣніе, необходимо скопленіе горючихъ матеріаловъ: къ несчастію, если не въ основной толщѣ, то на поверхности ея такихъ матеріаловъ не мало, что теперь уже не тайна. На первозданной, такъ сказать, гранитной массѣ лежатъ, между однородными возвышенностями, наносные слои, чѣмъ выше, тѣмъ менѣе имѣющіе сродства съ основнымъ элементомъ. Въ этихъ высшихъ слояхъ встрѣчается уже, въ большей или меньшей степени, разладъ: тяготѣніе къ природному центру и тяготѣніе къ западу. По мѣрѣ увеличенія точекъ сближенія съ западомъ, верхніе слои стали всасывать въ себя все то, что легче оттуда выдѣлялось. Русская жизнь, прикасаясь къ поверхности европейской, схватывала верхушки этой жизни; разумѣется, это было всего легче,—и вотъ частое прикосновеніе пригладило нашу черствую поверхность и навело на нее европейскій лоскъ. Внѣшнее превосходство европейской жизни стало очевидно; всѣ, кто могъ, бросились въ подражаніе;

природная переимчивость русскаго человѣка сослужила свою службу: люди высшихъ слоевъ по наружности стали европейцами. Скороспѣлость, какъ извѣстно, не всегда идетъ въ прокъ; скоро ходить по протоптанной дорогѣ вовсе не то, что открывать и разработывать самому себѣ тропу. Самостоятельный трудъ сталъ не подъ силу да и излишнимъ, пока было на что заставить другихъ трудиться за себя. Подражаніе усвоилось окончательно,—подражаніе во всемъ, начиная отъ внѣшнихъ обычаевъ до политическихъ и религіозныхъ воззрѣній.

Неразборчивое внесеніе въ жизнь высшихъ классовъ, вмѣстѣ съ полезнымъ, и вреднаго, вмѣстѣ съ сокровищами научнаго знанія и умственныхъ продуктовъ испорченной нравственности, колебля основы семейнаго и гражданскаго быта, внушая неуваженіе къ завѣтнымъ преданіямъ прошедшаго, не могло не произвести осязательныхъ результатовъ. Привязанность къ природной почвѣ охладѣла, безотчетное пристрастіе къ чужеземному сдѣлалось почти всеобщимъ. Религіозно-патріотическій индиферентизмъ сталъ явленіемъ самымъ обыкновеннымъ. Нравственная и умственная разспущенность принесли свой плодъ: и у насъ появились доморощеные поборники соціализма, коммунизма и наконецъ нигилизма, не уступающіе,

въ химерическихъ своихъ увлеченіяхъ, всесвѣтнымъ агитаторамъ плачевной знаменитости.

Политическое состояніе Россіи возбуждаетъ зависть Европы и приводитъ въ отчаяніе ожесточенныхъ враговъ ея. Осѣняемая знаменемъ Православія, утвержденнымъ на краеугольномъ камнѣ вѣры во Христа, выросшая и окрѣпшая подъ десницею самодержавной власти, единомысленная и однородная въ своей основѣ и сердцевинѣ, она оказываетъ только на поверхности и на нѣкоторыхъ вѣтвяхъ своихъ прискорбную воспріимчивость къ болѣзненнымъ вліяніямъ. Всѣ условія великой будущности, дары Провидѣнія соединились въ нашей странѣ, чтобы подать другъ другу руки, и не смотря на то, какъ много гибнетъ свѣжихъ, нетронутыхъ силъ, какъ дорого оплачиваются заблужденія умовъ, на которыхъ должны бы покоиться надежды соотечественниковъ!... Вѣря въ будущее, не слѣдуетъ закрывать глаза передъ настоящимъ, тѣмъ болѣе, что недавнее прошедшее заключаетъ въ себѣ много вразумляющаго и поучительнаго. Всесторонній индиферентизмъ гордо выситъ свою голову, провозглашая распущенность и терпимость. Въ слѣдствіе такого настроенія, какъ часто встрѣчаются притязанія на просвѣтительство, высшій судъ и управленіе массами, такихъ лицъ, которыя, кромѣ узаконеннаго свидѣтельства о теоретическомъ зна-

нiй, не представляютъ никакого ручательства, ни въ предшествовавшей своей дѣятельности, ни въ заявляемыхъ ими принципахъ въ томъ, что дальнѣйшая ихъ дѣятельность будетъ направлена не въ разрѣзъ съ существенными основами народной жизни, не въ ущербъ нравственности и внѣшнему благосостоянiю страны. Если такiя притязанiя существуютъ,—не есть ли это индиферентизмъ нравственный? Всѣмъ извѣстна безцеремонность, съ которою либералы относятся въ печати, къ лицамъ и предметамъ, занимающимъ высокое и даже неприкосновенное, въ глазахъ народа и людей благомыслящихъ, положенiе въ отечественной исторiи, — съ какимъ прилежанiемъ они отыскиваютъ пятна, соръ и помои тамъ, гдѣ, по свойству человѣческой природы, ихъ можно найти, — съ какимъ безстыдствомъ выражалось всегда злорадство либеральныхъ искателей и разнощиковъ всякой грязи, при счастливой для нихъ находкѣ, при возможности обличить прошедшее въ его дѣйствительной или мнимой несостоятельности! Такой цинизмъ не есть ли тоже индиферентизмъ своего рода?

Много сорныхъ сѣмянъ, много золъ внесъ нынѣшнiй либерализмъ въ нашу жизнь подъ покровомъ терпимости въ то время, когда обыкновенное благоразумiе обязываетъ терпѣть только то, чего мы не въ силахъ ни исправить, ни устра-

нить. Слабый организмъ обыкновенно легко подчиняется внѣшнимъ болѣзненнымъ вліяніямъ, и часто волей-неволей поглощаетъ вредное для себя; напротивъ, могучій и свѣжій организмъ противостоитъ всякому враждебному напору и извергаетъ все инородное, несвойственное и неспособное къ уподобленію. Если нельзя не согласиться, что наши консерваторы слишкомъ часто уступаютъ напору своихъ противниковъ и давленію духа времени, требующаго уступокъ подъ разными благовидными и многозначущими словами, въ родѣ *терпимости, равноправности* и *свободы мнѣній*, — то не менѣе ясно, что либералы на самомъ дѣлѣ не согласуютъ вовсе дѣйствій своихъ съ словами.

Недавнее прошедшее свидѣтельствуетъ, что враги Россіи вели свои обширные подкопы не такъ еще скрытно, чтобы ихъ работа не была видна многимъ изъ добрыхъ гражданъ. Всякій добрый гражданинъ, конечно, есть вмѣстѣ и стражъ общественный: но была ли возможность обличать зло высшаго разряда въ то время, когда либералы изощрялись въ отысканіи и обличеніи болѣе нежели второстепенныхъ, и то по выбору и подъ вліяніемъ извѣстныхъ антипатій, частныхъ недостатковъ стараго общественнаго государственнаго или служебнаго строя, неразлучныхъ впрочемъ во всякомъ случаѣ съ человѣческою приро-

дою? Индиферентизмъ, господствовавшій въ извѣстныхъ общественныхъ слояхъ, и вліяніе либераловъ налагали молчаніе на добрыхъ гражданъ, въ то время, какъ своевременное оглашеніе могло бы предупредить много зла. Возьмемъ нѣсколько случаевъ такого рода. а) Подавленіе русской народности въ западныхъ губерніяхъ и слишкомъ очевидное и осязательное попраніе памятниковъ русской старины и святыни Православія, безъ сомнѣнія, помимо индеферентистовъ, имѣло много и не равнодушныхъ, но нѣмыхъ свидѣтелей. б) Не могло не оскорбляться патріотическое чувство при видѣ, какъ люди польскаго происхожденія преимущественно занимали иныя мѣста или даже цѣлыя отрасли государственной службы. в) Не мало было отцовъ семейства, подавлявшихъ вопль сердца и трепетавшихъ за участь дѣтей своихъ, взирая на послѣдствія нравственной отравы, безнаказанно и невозбранно распространяемой педагогами во имя науки. г) Упомянемъ и о крайнемъ цинизмѣ, внесенномъ въ общественные нравы, подъ видомъ неотъемлемой принадлежности всякаго прогресса, и заявившемъ себя какъ въ либеральной печати, такъ и вошедшемъ въ обычаи увеселительныхъ собраній образованнаго общества. д) Въ то время, когда ореолъ безсмертной славы Царя-Освободителя и величавое благодушіе освобожденныхъ милліоновъ прояви-

лись во всемъ своемъ блескѣ предъ изумленнымъ міромъ,—Россія ликовала; фактъ освобожденія, либеральный, по европейскимъ понятіямъ, далъ торжество и новыя опоры охранительному началу, расширивъ его базисъ,—либералы извѣстныхъ оттѣнковъ искали иной славы, иныхъ точекъ опоры: они заботливо готовили и открывали пути вторженія инымъ началамъ. Подъ покровительствомъ либерализма, разрушительныя доктрины свили себѣ теплыя гнѣзда въ питомникахъ науки, и вскорѣ на воспріимчивой почвѣ русскаго простодушія, при тлетворномъ вѣяніи духа времени, разсѣялись злокачественные зародыши всесторонняго растлѣнія,—нигилистическія фаланстеріи, съ цѣлію внѣдрить и раскинуть эту гангрену на всю ширь русской земли.

Гдѣ были въ то время, что дѣлали, какъ смотрѣли на это возмутительное и небывалое явленіе образованные представители охранительныхъ силъ страны?... Отъ чего не устремились они и не стерли общими силами съ лица матери-родины эти гнусные наросты, эти позорныя пятна? Индиферентисты, какъ и всегда, вѣрные сами себѣ, замкнутые въ рамку узкаго, близорукаго эгоизма, соперничали другъ передъ другомъ, щеголяли терпимостію, ободряемые кликами, несшимися къ нимъ изъ-за границы; между тѣмъ какъ разрозненные консерваторы, въ упоеніи славы, лучи ко-

торой падали и на нихъ, погрузясь въ сладкое самосозерцаніе и опустивъ вѣжды, отдались невозмутимому покою... Что налагало печать молчанія, что удерживало, наконецъ, тѣхъ изъ нихъ, которымъ было не до сна, — отцовъ семействъ, напримѣръ? Отвѣтимъ не обинуясь: деспотизмъ либерализма, тотъ лютый и незнакомый прежнимъ временамъ деспотизмъ, гнетъ и удручающая сила котораго дѣйствуютъ далеко не всегда въ явственныхъ и осязаемыхъ формахъ,— то замаскированное насиліе, неослабно преслѣдующее современнаго человѣка, не признающее никакой святыни, не оставляющее ему никакого убѣжища, попирающее все драгоцѣнное въ жизни, — то насиліе, которое, ворвавшись въ семью, вноситъ туда рознь, вражду и разореніе, повергаетъ дотолѣ счастливыхъ людей въ пучину безвыходныхъ бѣдствій, сторожитъ у порога мирной семьи юныя жертвы, чтобы бросить ихъ потомъ на путь сомнѣній, ненасытнаго эгоизма, и въ концѣ концовъ, безвыходнаго отчаянія,— то нравственное насиліе, изсушающее источникъ сердечности, подавляющее духовно-нравственное начало,— насиліе тѣмъ болѣе преступное и низкое, чѣмъ формы, въ которыхъ оно представляется, утонченно-лживѣе и обольстительнѣе. Всѣ нами здѣсь указанные и безконечное множество другихъ подкоповъ подъ государственное устройство, народное благо и об-

щечеловѣческія нравственныя основы, могли идти такъ успѣшно, въ слѣдствіе приниженнаго положенія консерватизма и соотвѣтственно громадной численности индиферентистовъ и вліянія либераловъ. Въ нашей странѣ, конечно, нѣтъ организованныхъ партій, а есть только, какъ и вездѣ, во всемъ мірѣ, представители противоположныхъ началъ,— охранительнаго и поступательнаго бытія и развитія. Конечно, это послѣднее имѣетъ много представителей, которымъ отечество наше, послѣ Верховной Власти, обязано великими нововведеніями, составляющими блестящую эпоху въ государственной жизни, точно также и среда, такъ называемыхъ, консерваторовъ переполнена людьми, вовсе незамкнутыми въ тѣсный кругъ консерватизма. Мы убѣждены даже, что вліяніе того и другаго начала встрѣчаетъ полную гармонію въ сознаніи и дѣятельности всякаго разумнаго гражданина, всякаго вѣрнаго сына отечества, но преобладаніе либеральныхъ началъ, принявшихъ въ недавнее время столь опасное развитіе, не можетъ подлежать сомнѣнію: оно всего болѣе замѣтно въ періодической печати.

Были и есть въ настоящее время предметы, о которыхъ хотя и не запрещено закономъ, но тѣмъ не менѣе не удобно разсуждать въ печати иначе, какъ въ духѣ либеральномъ. Тутъ дѣйствуетъ уже не общій законъ, а что-то похожее на духъ

партіи, налагающій своего рода терроръ на непокорныхъ ему. Укажемъ на передовую статью въ № 175 «Московскихъ Вѣдомостей,» гдѣ авторъ явно употребляетъ нѣчто въ родѣ интимидаціи, или внушенія самаго не либеральнаго свойства, по отношенію къ бывшей редакціи «Виленскаго Вѣстника», по поводу слишкомъ самостоятельнаго воззрѣнія на еврейскій вопросъ. Нельзя не сказать мимоходомъ, что вопросъ этотъ, имѣющій необъятное значеніе для будущности Россіи, зрѣетъ подъ усиленнымъ вліяніемъ стремленій извѣстнаго либерализма, и всестороннее его обсужденіе въ печати, по имѣющимся у насъ даннымъ, оказывается недоступнымъ. Вліятельная московская газета впадаетъ въ явное противорѣчіе, когда, заявивъ въ №№ 183 и 184 о совершившемся уже фактѣ внесенія въ недавнее время въ среду привилегированнаго россійскаго дворянства громадной цифры лицъ польскаго происхожденія, дающемъ имъ рѣшительный численный перевѣсъ въ рядахъ передоваго и вліятельнаго сословія, и предусматривая тутъ въ будущемъ затрудненіе для правительства,—въ тоже время усиливается ввести въ народную жизнь элементъ еврейскій, весьма почтенный по своей численности, энергіи, твердому закалу народнаго типа и высокимъ консервативнымъ достоинствамъ внутренней организаціи, но всего менѣе имѣющій духовнаго и кров-

наго сродства съ русскою народностію, слѣдовательно, тѣмъ болѣе инородный, неспособный къ уподобленію. Странное дѣло! Послѣ того, какъ множество препаратовъ раціонально-либеральной лабораторіи, производя раздраженіе страстей, и изсушая въ тоже время источники ихъ удовлетворенія, выказали достаточно свою несостоятельность,—либеральная печать обратилась ко введенію въ высшія полости народнаго организма и народныхъ элементовъ въ героическихъ пріемахъ, указывая съ одной стороны на громадную массу дворянъ польскаго происхожденія, не болѣе какъ на возможное, и то въ будущемъ, затрудненіе, а съ другой усиливается внести въ русскую жизнь, подражая извѣстнымъ западнымъ государствамъ, по преимуществу инородный элементъ еврейскій, въ размѣрѣ, нигдѣ не встрѣчающемся. Если бы это усиліе вліятельной газеты имѣло менѣе космополитической подкладки, то почему бы не обратить гуманное вниманіе на магометанъ, имѣющихъ на своей сторонѣ первенство въ присоединеніи къ Россіи, большую числительность, несравненно менѣе враждебныхъ христіанству и наконецъ безпомощныхъ, лишенныхъ всемірныхъ связей, симпатій либеральнаго міра и внѣшнихъ точекъ опоры?

Понятно, впрочемъ, что повременныя изданія суть большею частію и торговыя предпріятія; онѣ

обязаны удовлетворять требованіямъ современности, оставляя существенно полезное для своихъ потребителей на дальнемъ планѣ. Торговое заведеніе, удовлетворяющее господствующему вкусу или модѣ, не можетъ, хотя бы и сознательно, не погрѣшить противу ближняго. Вѣроятно, что если-бы любая модистка рѣшилась обычное строгое подражаніе заграничнымъ образцамъ, съ небольшою примѣсью своей фантазіи, подчинить гигіеническимъ соображеніямъ,—послѣдствія такой рѣшимости не замедлили бы обнаружить свою практическую несостоятельность. Одно изъ двухъ: или угождай господствующему вкусу, или терпи убытки. Слишкомъ не многія газеты и журналы, сохранившіе свободу направленія, и безъ того угрожаются остракизмомъ, если еще не потеряли права гражданства въ большинствѣ, составляющемъ общественное мнѣніе.

Давленіе либерализма иногда бываетъ столько же неуловимо, сколько въ другихъ случаяхъ осязательно. Онъ опирается отчасти на общественное мнѣніе Европы, положительно несправедливое и непріязненное по отношенію къ Россіи. Либерализмъ есть сила, имѣющая за собою обаяніе европеизма и свѣжей современности. Въ питомникахъ науки онъ занялъ себѣ область болѣе обширную, чѣмъ та, которая должна бы ему принадлежать по праву; тутъ источникъ его силы

и чудовищнаго развитія. Онъ искуственно возбуждаетъ и систематически поддерживаетъ пылъ юношескихъ страстей, не давая времени остановиться, одуматься; онъ превращаетъ скромныхъ тружениковъ науки въ самонадѣянныхъ міровыхъ преобразователей. Ему нѣтъ дѣла до отдаленнаго будущаго; ему нуженъ катаклизмъ, послѣ котораго каждый изъ его приверженцевъ мнитъ стать выше всѣхъ прочихъ.

Высочайшій рескриптъ 13 мая раскрылъ глаза всѣмъ благонадежнымъ сынамъ отечества; благотворныя его послѣдствія ощутительны: но зло, пустившее безчисленные корни, не можетъ искорениться разомъ; обуздывая проявленія какого либо зла, необходимо дать ходъ противуположному началу. Если крайній либерализмъ получилъ такую чудовищную силу, то разумный консерватизмъ заслуживаетъ, по крайней мѣрѣ, поддержки. Очень ошибочно считаютъ иные консервативнымъ тотъ политическій отдѣлъ современнаго общества, который, единственно по неспособности какъ къ защитѣ, такъ и къ нападенію, состоя изъ спокойныхъ гражданъ, какъ бы поддерживаетъ равновѣсіе; эти индиферентисты—дряблая, пассивная масса, легко уступающая дѣйствующей на нее силѣ,—балластъ, тяготѣющій тамъ, гдѣ его положатъ,—эхо, вторящее тѣмъ звукамъ, которые громче; индиферентистовъ не-

льзя назвать регуляторомъ,—это скорѣе флюгеръ, слѣдующій направленію вѣтра.

Причины, постоянно дѣйствующія на нарушеніе внутренняго политическаго равновѣсія въ нашей странѣ, по нашему крайнему разумѣнію, заключаются въ особенности:

1) Въ преобладающемъ вліяніи одного направленія въ сферѣ печатнаго слова, и

2) Въ томъ, что признаніе способности на государственную службу и неразлучное съ нею вліяніе вполнѣ принадлежатъ представителямъ или жрецамъ науки. Эта исключительность, дающая одной теоріи права надъ жизненнымъ опытомъ и слишкомъ часто надъ здравымъ смысломъ,—ведетъ за собою непоправимыя послѣдствія. Знаніе, конечно, есть весьма дѣйствительное оружіе въ борьбѣ съ природой и съ людьми; но слишкомъ недостаточное для пользы общественной. Чтобы воинъ былъ хорошо вооруженъ, не менѣе необходимо, чтобы онъ умѣлъ владѣть своимъ оружіемъ, и несравненно важнѣе для общества имѣть ручательство, что оружіе, которымъ оно снарядило своего защитника, находится въ добрыхъ и вѣрныхъ рукахъ. Опытъ жизни показываетъ, что оружіе, которымъ надѣляетъ общество своихъ избранниковъ, попадаетъ слишкомъ часто въ руки неблагодарныхъ. Позволительно, кажется, желать, чтобы общественные дѣятели, облекаемые

властію судебною, административною и педагогическою, вскорѣ по оставленіи ими школьной скамьи, какъ не представляющіе ручательства въ направленіи, которое они дадутъ своему несомнѣнному теоретическому знанію и власти, были подвергаемы, въ теченіи соотвѣтственнаго періода времени, двойному испытанію—практическихъ способностей и нравственнаго направленія. Расширеніе власти должностнаго лица должно имѣть оправданіе въ прошедшей его дѣятельности. Въ особенности нравственная сторона человѣка можетъ высказаться только на практикѣ.

Общественные дѣятели, не признающіе за собою обязанности чистосердечно и открыто стать подъ то или другое знамя, разыгрывающіе двусмысленныя загадочныя роли, не должны внушать довѣрія. Внѣшнее или чисто научное образованіе—плохая порука за добросовѣстность; эта послѣдняя, какъ сердечное усвоеніе вѣчной правды, не находится въ непосредственной независимости отъ умственнаго развитія. Наука, какъ умственный капиталъ или орудіе, безусловно подчиняется волѣ или произволу обладающаго ею. Личная выгода и нравственное чувство направляютъ это орудіе къ той или другой цѣли. Поэтому-то казалось бы, что награда или довѣріе, оказываемые хотя бы обширному знанію, не успѣвшему еще себя оправдать на дѣлѣ,—преждевременны.

Поощреніе знанія не выходящаго изъ обыкновенной черты, въ наше время, когда польза наукъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, напрасно. Человѣкъ, получившій въ даръ, при помощи, разумѣется, извѣстнаго съ своей стороны труда, орудіе знанія, пусть прежде хотя отчасти выяснитъ на дѣлѣ, какого употребленія этого орудія общество можетъ ожидать отъ него. Дѣйствительное образованіе, въ соединеніи съ практическимъ здравымъ смысломъ, есть сила, не нуждающаяся въ привиллегіяхъ или какой бы то ни было поддержкѣ, въ особенности, при нравственномъ направленіи, способномъ внушить довѣріе.

Въ наше время научное знаніе, откинувъ смиренномудріе и облекшись въ тогу, сотканную изъ привиллегій, высокомѣрно относится къ духовно-нравственному чувству. Между тѣмъ какъ, по закону здраваго смысла и высшей правды, оно должно бы быть не болѣе, какъ свѣтильникомъ для внѣшняго міра, какъ служебнымъ орудіемъ, повинующимся руководимой нравственнымъ чувствомъ человѣческой волѣ. Знаніе, не признающее подчиненія религіозно-нравственнымъ началамъ, чѣмъ обширнѣе, тѣмъ опаснѣе, ибо оно служитъ орудіемъ себя-любивыхъ, своекорыстныхъ стремленій, идущихъ слишкомъ часто въ разладъ съ благомъ общественнымъ. Лишенное живительнаго свѣта любви, такое знаніе есть источ-

5

никъ болѣзненныхъ симптомовъ, удручающихъ современное общество, источникъ всесторонняго растлѣнія, разложенія, смерти.

Принадлежа къ малоимущественной и малообразованной средѣ, не лишенной всячески значенія численнаго, хотя бы то и пассивнаго, большинства, въ качествѣ члена онаго, мы рѣшились выйти на поприще печати, въ надеждѣ встрѣтить гуманнаго рецензента, который удостоилъ бы насъ разъясненіемъ многаго, смущающаго духъ нашъ и заставляющаго опускать руки, обреченныя труду. Не обольщая себя, впрочемъ, такой счастливой встрѣчей, а съ другой стороны, предусматривая уже направленные противу насъ пріемы извѣстной тактики и грозное оружіе знакомаго арсенала, начиная съ презрительнаго молчанія до обвиненія въ отсталости и мраколюбіи, мы желали бы, покрайней мѣрѣ, отвратить отъ себя укоръ въ послѣднемъ.

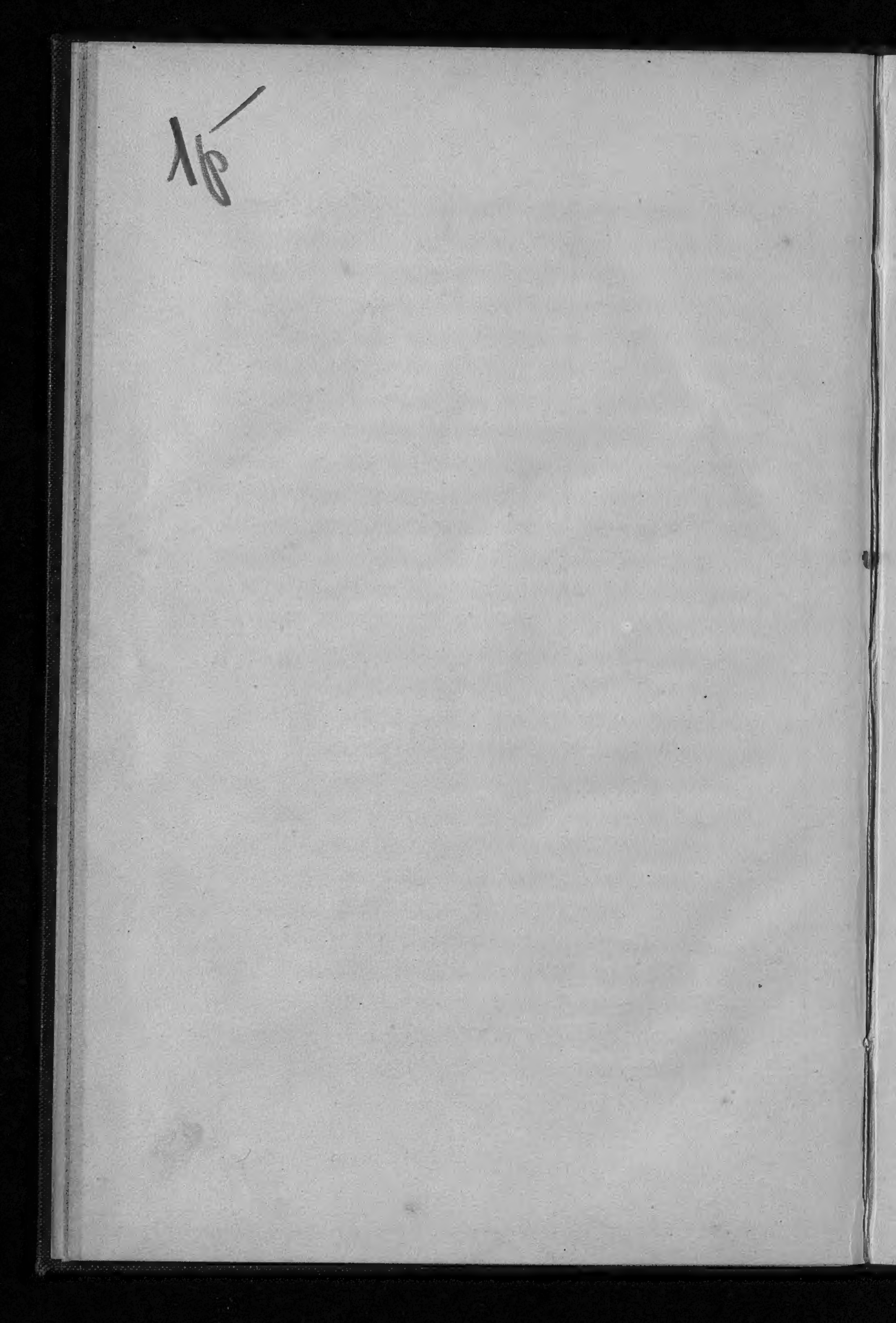
На этотъ конецъ заявляемъ, что патентованное знаніе и въ нашихъ глазахъ стоитъ достаточно высоко, и на насъ блескъ его оказываетъ вразумляющее дѣйствіе... Позволяемъ себѣ высказать одно лишь: насъ смущаетъ слишкомъ тѣсная дружба современнаго знанія съ матеріализмомъ,—доктриной, лишенной инаго двигателя или побужденія, кромѣ личной выгоды; между тѣмъ какъ всѣ высокія, благородныя личности,

сіяющія въ исторіи человѣчества, всѣ доблестные, незабвенные сыны Россіи, взявъ хотя послѣдній періодъ нашей исторіи, отъ Пожарскаго и Минина до Кутузова и Муравьева, воодушевлялись однимъ и тѣмъ же духомъ, преемственно хранимымъ въ русскомъ народѣ.

Мы убѣждены, что въ этомъ именно драгоцѣнномъ наслѣдіи предковъ, въ этомъ источникѣ безкорыстной любви долженъ черпать свои побужденія общественный дѣятель, чтобы внушить къ себѣ довѣріе, а не въ загадочныхъ отношеніяхъ къ матеріализму, хотя бы онъ и пользовался всесильнымъ покровительствомъ жрецовъ науки.

П. Д-нъ.

30 Rub.